

Пасхальная радость

Христос воскрес!

В этом простом приветствии кроется огромная радость. Радость о Боге.

Мы радуемся сами и видим это светлое чувство у наших близких. Его можно прочесть на лицах в большой палитре оттенков. У кого-то оно явное, активное. Кто-то бережно прячет его в укромных уголках души, боясь расплескать. Радость. Вокруг этого простого слова закручивается весь бытовой смысл праздника.

Христос воскрес из мертвых, смертью смерть поправ, и сущим во гробех живот даровах.

Эти простые строки несут в наши сердца надежду и радость.

Пасхальная радость, на мой взгляд, самая сильное и глубокое чувство. По мнению священников, Пасхальная радость - это неизреченный дар Божественной благодати. Благодать, исходящая от Господа в эти дни, - самая сильная, самая яркая. Ее чувствуют даже те, кто в храм не ходит. И тем более ее чувствуем мы, христиане.

Вот прошел пост. Поменялось наше мироощущение. Мы изменились. Стали чуточку чище. Немного добрее, где-то мягче, добрее. Кому-то Господь добавил ума, кого-то освободил от страсти, кто-то научился улыбаться. Каждый получил свое..

Дары Духа Святого в эти дни щедро льются на наши души.

Все мы усердно трудились на расчистке наших душ, стараясь освободиться от грехов наших, от страстей. Кто-то больше, кто-то меньше. Все по силам. В этом году были особенные искушения. Но мы выдержали и эти испытания, прошли их достойно.

Иоанн Златоуст говорит:

Итак, все — все войдите в радость Господа своего! И первые, и последние, примите награду; богатые и бедные, друг с другом ликуйте; воздержные и беспечные, равно почтите этот день; постившиеся и непостившиеся, возвеселитесь ныне! Трапеза обильна, насладитесь все! Телец упитанный, никто не уходи голодным! Все насладитесь пиром веры, все воспримите богатство благодати!

И пусть частичка той радости, которую испытывает сейчас весь христианский мир, останется с нами и с нашими близкими на весь год. И согревает сердца наши в это непростое и трудное время.

Сергей Руднев

Любовь Божия сильнее "короны"

Такой Пасхи еще не было, точнее, не было для нас, в наш век. Если наши родители были вполне пуганы и отлично знали о всякого рода гласных и негласных запретах, то мы - поколение гласности и свободы, нет у нас навыка аккуратного обращения с блюстителем закона. Как это: нельзя гулять? Что, и оштрафовать могут? Нам еще и не приказали, а страшно стало. Очень. И что больше пугало нас: зараза или буква указа?

Наверное, страшнее всего было ожидание ответа на вопрос: а сойдет ли еще Благодатный Огонь или всё... Этот страх проник так глубоко в сердце, что к Великой Пятнице почти отбило желание развлекаться у компьютера, сон, аппетит. Вдруг на ум пришли Псалмы 67-ой и 90-ый, неизвестно откуда вспомнилось, что именно их нужно читать, и при чтении горло сковывало слезами, хотелось громко кричать, стараясь остановить уходящего от людского рода: ПРОСТИ НАС, ГОСПОДИ, ПРОСТИ ДУРАКОВ, ПОМИЛУЙ!

Напряжение, достигшее пика днем в Великую Субботу, усилила и погода: будто само Небо оплакивало Сына Человеческого, сменяя

град снегом, а снег - яркими бликами солнца. Небо рыдало о принесшем Себя в жертву за нас всех. Всех... Вдуматься только: какие люди ни встречались на жизненном пути, а Он, зная все наперед, все же отправился в Гефсиманский Сад, зная, что даже ученики падут в траву после Трапезы, разделенной с Ним, и уснут...

И мы такие же, как они, Его последователи. Вновь каждый момент духовно засыпаем, не слыша чьих-то просьб, не жалея бессловесных тварей, рубя лес, разрушая и споря, - так можно ли еще раз дать нам шанс на раскаяние?

И ответ мы все получили в Страстную Субботу, когда Благодатный Огонь сошел, возвестив людям о продолжении жизни, о помощи и ниспослании нам, недостойным, Благодати. Значит, будем жить, и затрепетала душа-христианка, отправив брэнное тело на кухню готовить крашенки к Пасхе.

В воскресенье, как и раньше уповая на Волю Божию, решили ехать на Литургию. И причащаться, если Господь сподобит. А когда уповаешь, то и ("по вере вашей!") всего через 10 минут ожидания приехал троллейбус. Вокруг храма почти толпились служивые из разных ведомств, но были вежливы и,

слова худого не говоря, дали нам дорогу.

Вход в храм был по пропускам. Да мы и, правда, шли на работу - служить Тому, кто ждет этого от каждого. Другой жертвы мы не сумеем принести по своей неспособности, нам, современным, и небольшие ограничения - уже трудно до полусмерти, куда там подвижничать! Кому-то и пост выдержать или курить бросить равносильно подвигу панфиловцев...

В храме стояла необычная тишина, вызванная режимом самоизоляции (прихожан было по пальцам сосчитать). Все стояли разобщенно, соблюдая требование о дистанции. Как благословил батюшка, так и поступали: детей не привели, бабули остались по домам, а служители (уборщицы, алтарники) - надели перчатки, Крест не лобызали, а батюшка благословлял им, возлагая на голову. Икону Воскресения протирали после каждого.

Кто-то тихо готовился к Причастию, кто-то молча раскладывал снесь на длинный стол для освящения, а свечница в "наморднике" писала Обедню. Ждали Крестный ход...

И вот в алтаре при закрытых Вратах батюшка запел: Воскресение твое, Христе Спасе, Ангели поют на

Небеси... Выстроились алтарники с хоругвями и ПАСХА ГОСПОДНЯ пришла в сердца. Ни моросивший мелкий дождь, ни ночная темнота, ни угроза болезни не могли затмить этой радости.

Была самая красивая Литургия... Сердце радостно затрепетало, когда батюшка провозгласил: ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

Хор (хоть и уменьшенный втрое) запел тропарь Воскресения, вернее - гимн Жизни, гимн Творению, гимн сошедшему во ад и воскресшему во плоти Иисусу.

Радость Крестного хода, радость пения совместного, хоть и стоя на дистанции полутора метров, счастье от сознания того, что мы все еще любимы Господом, и это испытание да будет нам в укреплении веры, сил душевных и понимания, что **любовь сильнее смерти**.

Завершилось всё уже обычным и теплым благословением снеди. Никогда еще яйцо вкрутую, да еще и лопнувшее при варке и без соли, не было таким вкусным!

Ничего нам не страшно, когда Бог с нами и именно так Он чаще всего и наставлял учеников: не бойтесь!

Нина Чикобава

Добро побеждает зло

Март в России посвящен православной книге. Я остановила свое внимание на «Хрониках Нарнии» христианского писателя Клайва Льюиса. Но мне, как руководителю православного кино клуба «Сорок сороков» при Успенском храме Калуги, прежде всего, интересны фильмы по его знаменитым «Хроникам». И у меня была счастливая возможность: поговорить сразу о двух видах искусства – литературном произведении и фильме, сделанном по этому произведению.

Добротная литературная основа, рожденная фантазией писателя, являет нам причудливый сказочный мир – страну Нарнию, в которой действуют и античные персонажи, и звери, и современные дети, и герои известных литературных сказок. В общем, все вроде бы в духе такого привычного для современного читателя, да и зрителя тоже, жанра фэнтези. И везде, опять же по закону жанра, в конце всех бесконечных перипетий сюжета добро предсказуемо побеждает зло. А еще все в фэнтези держится на магической подкладке. Магия – основной закон, действующий на просторах таких фантазийных миров.

Вот и у Клайва Льюиса в его повести-хронике «Лев, колдунья и платяной шкаф», и в одноименном американском фильме той поры, когда Америка еще нравственно не пала, добро должно победить зло.

Но в нашем случае это не главный вывод, хотя и здесь добро побеждает. Наш фильм и его литературная первооснова разительным образом отличаются от подобных прочих произведений. «Лев, колдунья и платяной шкаф» – это одна из частей «Хроник Нарнии», страны, которая была сотворена песней. А это прямая отсылка к Библии, к Создателю, который творит мир словом.

Клайв Льюис в своем многочастном христианском произведении идет по очень опасной грани, за которой живут и действуют языческие персонажи, а мифическое зло уповаet на «древнюю магию». Но в его произведении все так органично, что мы не видим пресловутых белых ниток, а видим нечто другое, столь дорогое христианскому сердцу.

Как-то писатель Валентин Катаев в знаменитом произведении «Алмазный мой венец» рассказал нам о своих братьях по литературному цеху, зашифрованных под разными прозвищами. И читатель восьмидесятых годов прошлого века с увлечением

разгадывал литературные загадки.

Вот такими же загадками-аллегориями наполнил Клайв Льюис свои «Хроники Нарнии», этими же загадками изобилует и фильм «Лев, колдунья и платяной шкаф», и зритель вовлекается в эту игру отгадывания или радостного узнавания евангельских сюжетов. Лев, он и царь зверей, но и Спаситель. Писатель здесь шел все-таки не от традиционного понимания: лев – царь зверей, а от текста в Библии, где говорится о том, что лев – символ рода Иудова, из которого происходит и Господь наш Иисус Христос. А картины ада (царство колдунов) и рая (мир Льва Аслана)! Или девочки, оплакивающие смерть Аслана, - это ведь жены мироносицы, а их братья Петер и Эдмунд – ученики Спасителя Петр и Иуда. И ведут они себя вполне узнаваемо: один сомневается, а другой предает за коробку рахат-лукума. Все ясно, все прозрачно, все узнаваемо.

Но есть, пожалуй, одно «темное» или не совсем ясное место: «древняя магия», на которую так уповаet колдунья в своем желании навсегда избавиться от Аслана.

За этой «древней магией», ну какое фэнтези без магии! читается древнее проклятие Бога, сказанное змею-искусителю

говорящее о том, что семя жены поразит его в голову, а он будет жалить его в пятую. Это называется Первоэвангелием, и гласит оно об искупительной жертве Сына Божия, который, родившись от Пречистой Девы Марии, будучи Богом, стал человеком, таким, как мы, но только безгрешным, стал человеком, чтобы победить смерть ценой своей невинной крови. И Аслан, подобно Христу, жертвует собой ради спасения Эдмунда. Но когда не повинный ни в чем Аслан приносит себя в жертву, Жертвенный Стол рушится, и Аслан воскресает. Вот такая параллель с Евангелием и древним обетованием – обещанием спасения всего человечества.

Во время обсуждения фильма была высказана мысль о том, что вряд ли нужно выискивать аналогии и искать параллельные места со Священным Писанием. Ведь главное, что добро побеждает зло. Но для любого православного сердца отраднo видеть в образах и сюжетах фильма и его литературной первоосновы образы и сюжеты Священного Писания.

Анна Смирнова

